

Женское погребение тюркского времени из кургана Шагалалы V¹

Б.М. Хасенова^a, *С.К. Сакенов^b, Ә.А. Нұсқабай^c

^aФилиал Института археологии имени А. Х. Маргулана, Астана, Республика Казахстан
(E-mail: alicar@inbox.ru)

^bФилиал Института археологии имени А. Х. Маргулана, Астана, Республика Казахстан
(E-mail: sergazi_82@mail.ru) *Автор для корреспонденции: sergazi_82@mail.ru

^cНациональный музей Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан
(E-mail: abdinur82@mail.ru)

ARTICLE INFO

Ключевые слова:

Сарыарка,
Северный
Казахстан, древние
тюрки, эпоха
Средневековья,
гендер,
погребальный
обряд, хозяйство,
пряслище,
ткачество.

МРНТИ 03.41.91

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-4-18-34>

АННОТАЦИЯ

Накопление источниковой базы по средневековой археологии степной зоны Казахстана относится в настоящее время к числу приоритетных в науке. Достигнуты определенные успехи в изучении на территории Казахстана памятников таких средневековых государств, как древнетюркские каганаты, ханства – Кимакское, Огузское, Улуг Улус, Казахское. Вместе с тем отсутствие комплексного изучения данной эпохи привело к нерегулярному ее исследованию. Целью статьи является введение в научный оборот материалов погребения раннего Средневековья из северного региона Казахстана. Исследованный курган тюркского времени расположен в Кеноткел-Шагалалинском археологическом микрорайоне (Зерендинский район, Акмолинская область). Центральное погребение относится к эпохе раннего железного века, в дальнейшем к нему в раннем средневековье была пристроена ограда. Особенности погребального обряда – восточная ориентировка, сопроводительное захоронение лошади – позволили прийти к выводу о том, что было изучено погребение тюркского времени. С помощью проведенных анализов удалось выяснить, что погребение является женским, и это позволило выполнить расчет корреляции между естественно-научными методами и собственно археологической интерпретацией. В погребении были обнаружены серьга, фрагмент зеркала и пряслице. Датированным предметом является серьга, оформление которой позволило определить время возведения этой погребальной конструкции второй половиной VIII–IX в. Важным источником по гендерной информации эпохи средневековья являются погребальный обряд и состав погребального инвентаря.

Received 12 April 2023. Revised 13 April 2023. Accepted 23 November 2023. Available online 30 December 2023.

Для цитирования:

Б.М. Хасенова, С.К. Сакенов, Ә.А. Нұсқабай Женское погребение тюркского времени из кургана Шагалалы V // Turkic Studies Journal. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 18-34. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-4-18-34>

For citation:

B.M. Khasenova, S.K. Sakenov, A.A. Nusqabay Female burial of the Turkic period from the barrow of Shagalaly V // Turkic Studies Journal. – 2023. – Vol. 5. – No 4. – P. 18-34. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-4-18-34>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН МНВО РК; Программно-целевое финансирование по теме ИРН BR18574223 «Северный Казахстан в контексте культурно-исторических процессов: от эпохи камня до этнографической современности».

Введение

Эпоха Средневековья степной зоны Казахстана представляет собой малоизученный раздел в археологии евразийских степей. Тем более важным представляется своевременное введение в научный оборот новых материалов, относящихся к этому периоду прошлого. В результате исследования кургана Шагалалы V был получен интересный материал по погребальной обрядности эпохи раннего Средневековья, позволяющий расширить наши представления о гендерных ролях в обществе, хозяйственной деятельности людей рассматриваемого времени. К числу актуальных направлений научного поиска в археологии Казахстана относится использование данных естественно-технических наук. В данном случае, при исследовании погребения эпохи Средневековья, интерес представляет возможность корреляции данных состава погребального обряда и антропологического определения пола умершего человека.

Материалы и методы исследования

Общеизвестно, что методологической основой любого научного исследования является историко-диалектический подход, основанный на принципе историзма и системности, и к которому мы прибегли в нашей работе. Также в нашем исследовании были использованы сравнительно-исторический и сравнительный методы, необходимые для сопоставления исторических и социальных процессов, происходивших в мире в целом и в Казахстане в частности.

В ходе интерпретации археологических материалов чрезвычайно важным является применение сравнительно-исторического анализа, так как только путем сопоставления раскрывается общее и особенное в явлениях и возможно более цельное представление об исторических процессах, протекавших в данном регионе. Была скрупулезно изучена научная литература (как обязательный компонент любой научной деятельности) с целью установления степени разработанности археологических памятников рассматриваемого времени на конкретной территории, определения оценки перспектив их исследования, а также для выбора направления научного поиска. Как известно, метод сравнительного анализа в значительной степени основан на таком общенаучном методе, как аналогия. И поэтому именно поиск аналогий, параллелей и сходства при проведении различных обрядов, в частности похоронных, анализ погребального инвентаря позволили определить возраст данного археологического памятника и получить информацию о гендерных ролях, то есть социальном восприятии пола, в обществе того времени. Генетическое определение пола по образцам костей погребенного было сделано в отделе археогенетики Института геоантропологии имени Макса Планка (г. Йена, Германия). Результаты анализов показали гомогаметный пол – женский, идентифицированы женские хромосомы XX.

Степень изученности темы

Изучение погребального обряда населения Сарыарки эпохи раннего Средневековья попадает в сферу внимания ученых во второй половине XX в. К сожалению, так сложилось, что исследование памятников рассматриваемого времени не было целенаправленным, практически все представленные в выборке материалы не являлись целью научного поиска ученых, так как оказывались для них сопутствующими в результате изучения других эпох. Данное обстоятельство объясняется небольшим количеством изученных погребений и слабо разработанной хронологией. Также нет серийности: все изученные погребения входят в состав различных могильников, расположенных на разных территориях. В конечном результате отсутствует цельность в понимании процессов, происходивших в эпоху раннего Средневековья в пространстве такого важного историко-культурного региона казахских степей, как Сарыарка.

В различные годы были исследованы такие объекты, как курган 3 могильника Егиз-Койтас, курган 3 могильника Ижевский-2, Нуринское погребение, курган 5 могильника Жарлы-1, курган 1 могильника Жарлы-2, курган Таимбулак, курган могильника Ащитасты 27, (Кадырбаев, 1959; Бейсенов, Кожак, 2001; Бейсенов, Волошин, 2002; Боталов, Ткачев, 1990; Хасенова, 2015). Погребальные наземные конструкции – это каменные или каменно-земляные выкладки, каменные насыпи округлой формы. Ямы оформлены с помощью ящика, сооруженного из каменных плит, а также подбоя, уступов, устроенных вдоль длинных стен ямы. Единороды зафиксирована интересная особенность оформления погребального пространства, когда тела лошади и человека символически разъединялись. Это было достигнуто путем возведения двух отдельных камер. Во всех случаях зафиксировано труположение, тела умерших расположены в положении вытянуто на спине. Разнообразие представлено в ориентировке умерших – они были направлены головами на юго-восток, юго-юго-восток, восток, северо-запад, запад.

Погребальный обряд населения Сарыарки в этот период характеризуется вариативностью. Наиболее важной частью погребальной обрядности племен евразийских степей раннего Средневековья является сопровождение умершего человека тушей коня или его символическим воплощением в виде так называемой шкуры. Конь, ориентированный в противоположном относительно человека направлении, обнаружен только на двух памятниках: в кургане № 1 могильника Жарлы 2 и в кургане № 3 могильника Егиз-Койтас. Шкура коня зафиксирована в погребении кургана могильника Ащитасты 27. Традиционная для тюркского погребального обряда ориентировка в восточный сектор присутствует в подавляющем большинстве случаев (их пять: курган № 3 могильника Егиз-Койтас, курган № 3 могильника Ижевский-2, курган № 5 могильника Жарлы-1, курган № 1 могильника Жарлы-2, курган Таимбулак).

В рассмотренной группе практически все погребения принадлежали взрослым людям, также имеется по одному погребению ребенка и юноши. В обоих случаях фиксируется крайне немногочисленный погребальный инвентарь, исчерпывающийся одним предметом (в погребении ребенка – сосуд, в погребении юноши – одно стремя). Необходимо отметить, что антропологические характеристики при публикации данных материалов отсутствовали.

Судя по сопровождающему погребальному инвентарю, на данном уровне наших представлений о символике предметного мира эпохи Средневековья предварительно можно определить два погребения как женские, три – как мужские. В одном женском погребении обнаружены керамическое пряслице, золотые серьги, бляшки от конского снаряжения, бронзовое зеркало, сосуд, фрагмент деревянного изделия, в другом – железный нож, бронзовая серьга и также керамическое пряслице. В мужских погребениях были найдены металлические детали пояса, предметы вооружения (палаш, наконечники стрел, колчан, ножи), элементы конского снаряжения.

Все погребения при их публикации получили хронологическую атрибуцию. Основанием для исследователей при определении датировки послужили особенности погребального обряда и инвентаря. Так, по данным авторов публикаций, к числу наиболее ранних памятников могут быть отнесены погребения кургана № 3 могильника Егиз-Койтас, кургана № 5 могильника Жарлы-1 (VI-VII вв.) (Кадырбаев, 1959: 198; Бейсенов, Кожак, 2001: 160). Погребение кургана № 1 могильника Жарлы-2 датируется VI-VIII вв. (Бейсенов, Кожак, 2001: 160). Погребение из могильника Ащитасты 27 отнесено к VIII в. (Хасенова, 2015: 217). Нуринское погребение, по мнению С.Г. Боталова и А.А. Ткачева, датируется концом VIII-IX в. (Боталов, Ткачев, 1990: 147-149), чуть шире определяется дата кургана Таимбулак – VIII-X вв. (Бейсенов, Кожак, 2001: 161-162).

Несмотря на незначительное количество погребений рассматриваемого времени, они являются важнейшим источником для реконструкции событий, происходивших в это динамичное время на территории, которая лишь эпизодически попадала в поле зрения средневековых авторов. Подавляющее большинство погребений трактуются как тюркские (об это свидетельствуют следующие нормы погребального обряда: ориентировка в восточный сектор и сопроводительное захоронение коня, ориентированного в обратном направлении относительно человека). Особняком стоят два погребения с западной и северо-западной ориентировкой: Нуринское погребение и погребение, раскопанное в могильнике Ащитасты 27.

Анализ

Сдвоенная курганная насыпь Шагалалы V была исследована в 2014 г. Расположена к юго-востоку от поселения эпохи бронзового века Шагалалы II, в 1 км восточнее села Кеноткель, на уплощенной вершине, являющейся частью ступенчатого понижения крупной сопочной гряды в урочище Адыр, на восточном берегу реки Шагалалы (Рис. 1). Археологический объект является разновременным. Погребальная конструкция состоит из двух несинхронных частей. Южная каменная выкладка диаметром 6 м, высотой 0,2 м относилась к погребению раннего железного века. В данной каменной выкладке исследовано погребение, датируемое раннесакским временем, а именно VII-VI вв. до н. э. (Ярыгин, Сакенов, 2021: 28). В период раннего Средневековья к нему с северной стороны было пристроено погребальное сооружение. Оно фиксируется на поверхности земли как каменная насыпь, образующая кольцеобразную форму, которая сложена из рваных камней.

Рис. 1. Карта местонахождения кургана Шагалады V.

В процессе археологических раскопок пристроенная к кургану каменная ограда приняла более четкую конфигурацию. Она прямоугольной формы, размерами 5,9 × 3,0 м. Вытянута по линии запад – восток. Наземная конструкция выложена из камней с трех сторон, а четвертой стороной являлась насыпь раннесакского кургана. Каменная ограда ориентирована по сторонам света. Внешние стены и углы плотно выложены камнями, а внутренняя часть небрежно облицована более мелкими, дикими рваными камнями. Насыпь погребальной конструкции высотой 0,6 м состояла из крупных и мелких камней (Рис. 2).

После расчистки внутриоградного пространства в центре на глубине 0,20 м (здесь и далее все отметки даны от уровня дневной поверхности) фиксируются очертания могильной ямы в виде осевшего пятна овальной формы с перемешанным грунтом. Размеры ямы: длина 1,6 м, ширина 0,9 м. Границы могильной ямы также хорошо различимы благодаря камням, поставленным на ребро. По краям могильного пятна отчетливо выделяется выкид из ямы, он светло-желтого цвета. Погребение совершено в яме подбойного типа. Погребальная камера расчищена от переотложенного светло-коричневого грунта.

Могильная яма № 2 ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Размеры ее 1,4 × 2,2 м (Рис. 3). На глубине 1,5 м во входной яме обнаружено погребение коня. Тело животного ориентировано в противоположном направлении по отношению к погребенному человеку, то есть головой на запад. Поза традиционна: на животе, с поджатыми под себя ногами. Голова коня повернута к человеку. Погребение человека отделено от входной ямы вертикальным заслоном, сложенным из нескольких плоских камней. Толщина плоских плит, отделяющих погребение человека от лошади, составляет 1-2 см; плиты темно-коричневого цвета.

Рис. 2. План раскопа сдвоенной ограды, выложенной из рваных камней.

В северной стенке ямы расчищен подбой с погребением человека. Длина подбоя 2 м, ширина 0,6 м, высота 0,7 м. Погребенный ориентирован головой на восток. Лежал в вытянутом положении, на спине, левая рука слегка согнута в локте. Фаланги кисти левой руки при этом лежали поверх большой берцовой кости. Правая нога вытянута, а левая согнута в колене и находится поверх правой, стопы сведены вместе. В могильной яме фиксируется некое органическое вещество черного цвета, скорее всего, когда-то это был настил из жердей, о чем свидетельствуют остатки древесных волокон (Рис. 4).

У погребенного в области левого уха находилась серьга с бусиной. В районе левого плеча обнаружен крупный фрагмент бронзового зеркала в виде полукруглой пластины, вторая часть изделия фиксируется в районе задних ног лошади. В области груди лежало пряслице, изготовленное из стенки гончарного сосуда.

Рис. 3. План могильных ям: в могильной яме №1 обнаружено раннесакское захоронение; в могильной яме №2 исследовано древнетюркское захоронение.

Рис. 4. Курган Шагалалы V, погребение № 2. Древнетюркское захоронение.

Описание предметов

Фрагменты бронзового зеркала. Изделие выполнено из плоского округлого диска, диаметром 12 см. Орнамент, судя по сохранившимся частям, отсутствует (Рис. 5: 1).

Небольшая бронзовая серьга выполнена из округлой в сечении проволоки диаметром 2 см. Размер изделия 2 × 2 см. Дужка овальная, с сомкнутыми окончаниями. Подвеска небольшая, конусовидной формы, с маленькой полый бусиной из серебра на окончании. В верхней части дужки с внешней стороны размещен короткий шпенек. К пруту дужки прикреплен небольшой фрагмент кожи темно-коричневого цвета (Рис. 5: 2).

Пряслице округлой формы, диаметром 4 см, толщиной 0,9 см. Выполнено из стенки керамического сосуда. В центральной части имеется отверстие диаметром 0,7 см. На лицевой стороне пряслица фиксируются широкие полосы со следами светло-коричневой краски (Рис. 5: 3).

Рис. 5. Курган Шагалалы V, погребение №2.
Погребальный инвентарь: 1 – бронзовое зеркало; 2 – серьга; 3 – пряслице.

Полученные результаты

В погребении ограды, пристроенной к кургану Шагалалы V, были зафиксированы следующие этнокультурные детали погребального обряда. Человек был погребен в подбойе головой на восток в сопровождении лошади. Сопроводительное погребение лошади является одной из наиболее характерных черт древнетюркского погребального обряда. Соответствует традиционным представлениям о нем и размещение туши лошади в яме исследуемого погребения относительно тела человека: слева, с головой, ориентированной в обратном направлении.

Интерес представляет подбой, выкопанный в северной стенке ямы. Историография вопроса об истоках этой детали обряда, культурной, социальной наполненности

весьма внушительна. К числу наиболее интересных мнений и наблюдений относятся следующие. Так, например, по данным С.М. Ахинжанова, у кимаков подбои встречаются редко, и часто в них захоронены женщины. Как считал ученый, этот элемент был принесен в Прииртышье выходцами с территории северо-восточной части Монголии (Археологические памятники..., 1987: 245). Подбои являются редким элементом погребальной обрядности у древних тюрков Алтая, где обнаружено наиболее значительное количество их памятников. Г.В. Кубарев приводит сведения только об одном таком погребении и трактует появление подбоев как следствие влияния со стороны западных тюрков или же населения Тувы, где данная деталь обряда встречается довольно часто (Кубарев, 2005: 20). По мнению исследователя, совершение подбоев можно трактовать как этнодифференцирующий признак западных тюрков в среде родственных тюркоязычных племен (Кубарев, 2005: 20). По мнению еще одного исследователя древних тюрков Н.Н. Серегина, данный элемент может быть отнесен к разряду понятий, маркирующих определенную группу населения, этническая принадлежность которой остается пока открытой (Серегин, 2012а: 139).

Значительный интерес представляет обнаружение в исследуемом погребении пряслица. Это изделие характерно для женских погребений Алтая эпохи раннего Средневековья (Кубарев, 2005: 77, рис. 21, 5, 7-11). Обычно пряслица находят среди костей лошади, что позволило этому исследователю предположить их транспортировку в переметных сумках (Кубарев, 2005: 77). Также именно они встречаются в женских древнетюркских погребениях на территории Тянь-Шаня (Худяков, Табалдиев, 2009: 104, рис. 38, 5-6; 68, 7-8; 72, 4; 85, 4), Сарыарки (Бейсенов, Кожаков, 2001: рис. 4, 4; Хасенова, 2015: рис. 7, 2), Северной Монголии (Худяков, Турбат, 1996: рис. 4, 2-3).

Любопытно отметить, что в последующее время пряслица, видимо, исчезают из состава погребального инвентаря. Пряслице было найдено лишь в одном кимакском женском (судя по сопровождающему инвентарю) погребении (Археологические памятники..., 198: рис. 73, 20). В довольно представительной выборке погребений огузо-печенежского времени Западного Казахстана также представлено только одно изделие (Бисембаев, 2010: 90). В свою очередь, данные изделия были зафиксированы на городище Баскамыр (Улытау), датируемом IX–XI вв. (Смаилов, 1997: 58). В одном женском погребении на Алтае, обнаруженном в кургане № 5 могильника Юстыд XIV, представлены сразу три пряслица и одна заготовка (Кубарев, 2005: 77).

При решении данного вопроса необходимо сделать акцент на том, что такие предметы, как пряслица, шилья, кочедыки могут являться важным источником информации о хозяйстве населения евразийских степей в эпоху раннего Средневековья. Обращает на себя внимание их чрезвычайная редкость в рассматриваемое время в составе погребального инвентаря, особенно мужчин, что, по-видимому, связано с милитаризованностью степного общества, в связи с чем изделия хозяйственного назначения не входили в число маркеров социального положения. Тем важнее отметить наличие пряслиц, используемых в ткачестве, в женских погребениях эпохи раннего Средневековья. В одном из древнетюркских погребений на Тянь-Шане было обнаружено каменное округлое пряслице с надетым на него деревянным стержнем (Табалдиев,

Худяков, 1999: 62), что позволяет снять другие предположения о назначении таких изделий и утвердительно трактовать их как признак наличия ткачества – как женской сферы деятельности в данное время.

Интересная аналогия обнаружена в материалах раннесредневекового могильника Мошечая Балка на Северо-Западном Кавказе. В случаях, когда находки деталей ткацких устройств были задокументированы, все они происходили из женских погребений (Иерусалимская, 2012: 262-263). Уникальная сохранность различных деталей ткацких устройств из дерева позволила А.А. Иерусалимской восстановить графически эти устройства, предназначенные для изготовления различных тканей, зафиксированных здесь же в составе погребального инвентаря (Иерусалимская, 2012: 263-269).

Множество терминов, связанных с ткачеством, сохранилось в древнетюркских текстах, что свидетельствует о значительной роли этого вида деятельности в хозяйстве (Камолиддин, 2016: 91). Само ткачество обозначалось как *toki*, прядение и пряжа назывались *агрик* (*црик*) (по: Камолиддин, 2016: 82, 90). Сохранились названия пряслица/колеса – *čirgi*, а также веретена – *jig, očišaq* (по: Камолиддин, 2016: 82). Символическим обозначением в дальнейшем этой деятельности могут быть ножницы, которые являются довольно частой находкой в женских погребениях позднего Средневековья. Ножницы могли использоваться для стрижки овец, которая также была частью отрасли домашнего хозяйства.

Датирующим предметом в данном погребении является серьга. В целом она может быть отнесена к серьгам салтовского типа, которые получили широкое распространение в степной Евразии в эпоху раннего Средневековья. Аналогичные изделия были найдены при раскопках древнетюркских памятников в Курайской степи на Алтае (Курай II, Курай VI, Катанда, Узунтал). Алтайская сводка их приведена в монографии Г.В. Кубарева (Кубарев, 2005: 59-61, рис. 16). Указано, что найдено всего семь экземпляров. Это очень мало с учетом исследованных на Алтае 200 курганов. Датировка серег рассматриваемого времени традиционно основывается на заключениях В.И. Распоповой и Б.Б. Овчинниковой. Так, по данным В.И. Распоповой, серьги с подвесками появляются в Пенджикенте не позже середины VIII в. (Распопова, 1980: 113). В классификации серег, разработанной Б.Б. Овчинниковой на основе материалов из тюркских погребений Саяно-Алтая, подобные серьги относятся к типу 3а и датируются второй половиной VIII-IX в. (Овчинникова, 1990: 46).

К сожалению, на этом уровне исследования древнетюркских древностей наличие антропологических определений является скорее исключением, чем данностью. Тем значимее становится введение в научный оборот результатов изучения погребения из Шагалалы V, где по антропологическим признакам удалось определить половую принадлежность умершего человека. В средневековой археологии наиболее доступным способом до сих пор является анализ погребального инвентаря в целях получения гендерной информации. Так, Д.Г. Савинов отметил, что для женских погребений тюркской эпохи характерно сочетание зеркала, гребня и ножика (Савинов, 1994: 148). По данным Н.Н. Серегина, исключительно в женских погребениях Центральной Азии встречаются зеркала, игольники и пряслица (Серегин, 2012б: 63). Серьги обнаружены

в погребениях людей обоих полов, но эти украшения наличествуют в половине из имеющихся в выборке женских погребений, что также является высоким показателем их использования именно женщинами (Серегин, 2012б: 63).

Довольно информативным источником о гендерном различии является сам погребальный обряд. При значительной унификации в традиции возведения погребальных сооружений имеются определенные нюансы относительно количества жертвенных животных и состава жертвенной пищи (Кызласов, 2022: 23-34). Н.Н. Серегин выявил, что в 32 древнетюркских женских погребениях на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины имелось по одной лошади, в одном – две лошади, в семи – животное отсутствовало. В свою очередь, в погребениях мужчин фиксируется гораздо более частое наличие двух лошадей (Серегин, 2012б: 63). У кимаков погребение лошади характерно в большей степени для мужчин, и исключительно у женщин в составе жертвенной пищи появляются части туш крупного рогатого скота (Хасенова, 2019).

Выводы

Таким образом, судя по форме серьги, получившей распространение в определенный хронологический период, погребение может датироваться второй половиной VIII-IX в. К сожалению, оснований для получения более узкой датировки не имеется. В каменной ограде, пристроенной к насыпи раннесакского кургана, было совершено захоронение женщины древнетюркской эпохи.

Интересно размещение пряслица в погребальном пространстве: оно находилось в области груди умершей женщины, и, возможно, его носили на шнуре, используя как подвеску, амулет. Утвердившееся в настоящее время в науке представление о символике предметного мира эпохи Средневековья удалось уверенно коррелировать с естественнонаучными показателями. Судя по составу погребального инвентаря, содержавшего пряслице и зеркало, половая принадлежность умершего человека из Шагалалы V была определена как женская. Эта информация подтверждена антропологическими данными. Неизменное размещение в женских погребениях тюркского времени пряслиц как предметов, используемых в прядении, ткачестве, расширяет наши представления о гендерных ролях в обществе рассматриваемого времени. Для окончательного решения данного вопроса необходимо продолжить исследования в этом направлении.

Литература

Акишев К.А. (отв. ред.), 1987. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука. 280 с.

Бейсенов А.З., Волошин В.С., 2002. Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар. С. 165-174.

Бейсенов А.З., Кожиков Д.А., 2001. Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Т. 2. Алматы. С. 150-164.

Бисембаев А.А., 2010. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: Актюбинский государственный педагогический институт. 248 с.

Боталов С.Г., Ткачев А.А., 1990. Нурынское погребение VIII–IX вв. // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск. С. 147-150.

Кадырбаев М.К., 1959. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ. Т. 7. Археология. Алма-Ата: Наука. С. 162-203.

Камолиддин Ш., 2016. Металлургия и ремесленное производство у древних тюрков. Ташкент. В 2-х т. Т. 1. 269 с.

Кубарев Г.В., 2005. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск. 400 с.

Кызласов И., 2022. Вторичное использование тюркских аристократических мемориалов (Археологические заметки на полях орхонского атласа, изданного в Казахстане). *Turkic Studies Journal*. 4(4). С. 23-34.

Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ. 223 с.

Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука. 139 с.

Савинов Д.Г., 1994. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск. С. 146-152.

Серегин Н.Н., 2012а. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. 7. Археология и этнография. С. 134-142.

Серегин Н.Н., 2012б. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2 (17). С. 61-69.

Смаилов Ж.Е., 1997. Памятники археологии Западной Сарыарки (средневековые городища и поселения). Балхаш. 63 с., илл.

Сташенков Д.А., 1998. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Материалы конференции. Самара. С. 213-229.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 55-81.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009. Древние тюрки на Алтае. Новосибирск. 292 с.

Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск. II. С. 7-10.

Хасенова Б.М., 2015. Курган тюркского времени могильника Ащитасты 27 в Тургае // Тургай и Великая степь. Алматы, 2015. С. 212-222.

Хасенова Б.М. Гендер в кимакском обществе по данным археологии // *Scientific E-journal «edu.e-history.kz»*. 4 (20). 2019 / URL: <https://edu.ehistory.kz/ru/publications/view/1316> (дата обращения: 10.04.2023).

Ярыгин С.А., Сакенов С.К., 2021. Раннесакское погребение могильника Шаггалалы V // Маргулановские чтения-2021: Материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований». Алматы. Т. 2. С. 23-28.

Reference

Akischev K.A., 1987. Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES [Archaeological sites in the flood zone of the Shulbinsk Hydroelectric Power Plant]. Alma-Ata: Nauka. 280 p. [in Russian].

Beysenov A.Z., Voloshin V.S., 2002. Mogil'nik Izhevskiy-2 [Burial ground Izhevsky-2]. Izucheniye pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Study of archeological monuments of the Pavlodar Irtysh region]. P. 165-174. [in Russian].

Beysenov A.Z., Kozhakov D.A., 2001. Srednevekovyye pamyatniki Tsentral'nogo Kazakhstana [Medieval monuments of Central Kazakhstan]. Istoriya i arkheologiya Semirech'ya [History and archeology of Semirechye]. Vol. 2. Almaty. P. 150-164 [in Russian].

Bisembaev A.A., 2010. Kochevniki srednevekov`ya Zapadnogo Kazakhstana [Nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan]. Aktobe: Aktyubinskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij institut. 248 p. [in Russian].

Botalov S.G., Tkachev A.A., 1990. Nurinskoye pogrebeniye VIII–IX vv. [Nurinsky burial of the 8th–9th centuries]. Arkheologiya Volgo-Ural'skikh stepey [Archeology of the Volga-Ural steppes]. P. 147-150. [in Russian].

Kadyrbayev M.K., 1959. Pamyatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana [Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan]. Trudy IIAE [Worked at the Institute of History, Archeology and Ethnology]. Archaeology, Volume 7. Alma-Ata: Nauka. P. 162-203. [in Russian].

Kamoliddin Sh., 2016. Metallurgiya i remeslennoye proizvodstvo u drevnikh tyurkov [Metallurgy and handicraft production among the ancient Turks]. In 2 volumes, Vol. 1. Tashkent. 269 p. [in Russian].

Kubarev G.V., 2005. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funeral monuments)]. Novosibirsk. 400 p. [in Russian].

Kyzlasov I., 2022. Vtorichnoe ispol'zovanie tyurkskikh aristokraticeskikh memorialov (Arheologicheskie zametki na polyah orhonskogo atlasa, izdannogo v Kazahstane) [Secondary use of Turkic aristocratic memorials (Archaeological notes on the margins of the Orkhon atlas published in Kazakhstan)]. Turkic Studies Journal. 4(4). P. 23-34. [in Russian].

Ovchinnikova B.B., 1990. Tyurkskiye drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vv. [Türkic antiquities of the Sayan-Altai in the 6th–10th centuries]. Sverdlovsk: UrGU. 223 p. [in Russian].

Raspopova V.I., 1980. Metallicheskiye izdeliya rannesrednevekovogo Sogda [Metalware of early medieval Sogd]. Leningrad: Nauka. 139 p. [in Russian].

Savinov D.G., 1994. Drevnetyurkskoye vremya [Ancient Turkic time]. Drevniye kul'tury Bertekskoy doliny [Ancient cultures of the Bertek valley]. (Novosibirsk. P. 146-152). [in Russian].

Seregin N.N., 2012a. Mogily s podboyem v pogrebal'nom obryade rannesrednevekovykh kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii [Lined graves in the funeral rite of the early medieval nomads of the Sayano-Altai and adjacent territories: problems of

interpretation]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. In 11 volumes, Vol. 7. P. 134-142. [in Russian].

Seregin N.N., 2012b. Obshchiye i osobennyye kharakteristiki zhenskikh pogrebeniy rannesrednevekovykh tyurok Tsentral'noy Azii (k rekonstruktsii nekotorykh asprektov gendernoy istorii) [General and special characteristics of female burials of the early medieval Turks of Central Asia (on the reconstruction of some aspects of gender history)]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2(17). P. 61-69. [in Russian].

Smailov Zh.Ye., 1997. Pamyatniki arkheologii Zapadnoy Saryarki (srednevekovyye gorodishcha i poseleniya) [Monuments of archeology of Western Saryarka (medieval settlements and settlements)]. Balkhash. 63 p., ill. [in Russian].

Stashenkov D.A., 1998. Yevraziyskaya moda v epokhu rannego srednevekov'ya (k postanovke problemy) [Eurasian fashion in the early Middle Ages (to the formulation of the problem)]. Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n.e. (voprosy khronologii): Materialy konferentsii [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD (questions of chronology): Materials of the conference]. (Samara. P. 213-229). [in Russian].

Tabaldiyev K.Sh., Khudyakov Yu.S., 1999. Drevnetyurkskiy pamyatnik Besh-Tash-Koroo [Ancient Turkic monument Besh-Tash-Koroo]. Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Cultural monuments of the ancient Turks in South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Izd-vo NGU. P. 55-81. [in Russian].

Hudjakov Ju.S., Tabaldiev K.Sh., 2009. Drevnie tjurki na Altae [Ancient Turks in Altai]. Novosibirsk. 292 p. [in Russian].

Khudyakov Yu.S., Turbat Ts., 1999. Drevnetyurkskoye pogrebeniye na pamyatnike Elst Khutul v Severnoy Mongolii [Ancient Turkic burial at the Elst Khutul site in Northern Mongolia]. Yevraziya: kul'turnoye naslediye drevnikh tsivilizatsiy [Eurasia: cultural heritage of ancient civilizations.]. Novosibirsk, 1999. P. 7-10. [in Russian].

Khasenova B.M., 2015. Kurgan tyurkskogo vremeni mogil'nika Ashchitasty 27 v Turgaye [Mound of the Turkic time of the Ashchitasty 27 burial ground in Turgai]. Turgay i Velikaya step' [Turgai and the Great Steppe]. Almaty. P. 212-222. [in Russian].

Khasenova B.M. Gender v kimakskom obshchestve po dannym arkheologii [Gender in Kimak society according to archeology]. Scientific E-journal «edu.e-history.kz». 4 (20). 2019 / URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1316> (Accessed 10.04.2023). [in Russian].

Yarygin S.A., Sakenov S.K., 2021. Rannesakskoye pogrebeniye mogil'nika Shagalaly V [Early Saka burial of the Shagalala V burial ground]. Margulanovskiye chteniya – 2021: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Velikaya step' v kontekste etnokul'turnykh issledovaniy» [Margulan readings - 2021: Proceedings of the international scientific-practical conference «The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research»]. Vol. 2. Almaty. P. 23-28. [in Russian].

Б.М. Хасенова^а

*Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының филиалы,
Астана, Қазақстан Республикасы
(E-mail: alicar@inbox.ru)*

***С.Қ. Сакенов^б**

*Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының филиалы,
Астана, Қазақстан Республикасы
(E-mail: sergazi_82@mail.ru)*

**Байланыс үшін автор: sergazi_82@mail.ru*

Ә.А. Нұсқабай^с

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы
(E-mail: abdinur82@mail.ru)*

Шағалалы V обасындағы түркі дәуіріне тән әйелдің жерлеу орны

Аннотация. Қазақстанның далалық аймақтарындағы ортағасырлық археологиялық дереккөздер базасын жинақтау қазіргі уақытта ғылымның басым бағыттарының бірі болып табылады. Қазақстан аумағындағы көне түркі қағанаттары, Қимақ, Оғыз, Ұлық Ұлыс, Қазақ хандығы сияқты орта ғасырлық мемлекеттердің ескерткіштерін зерттеуде белгілі табыстарға қол жеткізілді. Сонымен қатар қарастырылып отырған дәуірдің кешенді зерттелмегендігі оның жүйесіз екендігін көрсетті. Мақаланың мақсаты - Қазақстанның солтүстік өңірінде зерттелген ерте ортағасырлық жерлеу ескерткішінің материалдарын ғылыми айналымға енгізу. Түркі дәуірінің зерттелген обасы Кеңөткел – Шағалалы археологиялық ықшам ауданында (Ақмола облысы, Зеренді ауданы) орналасқан. Орталық жерлеу орны ерте темір дәуіріне тән, кейінгі замандарда ерте ортағасыр кезеңінде оның үстіне қоршау тұрғызылған. Жерлеу дәстүрінің ерекшелігі – шығыс бағытқа бағытталуы, аттың бірге жерленуі, түркі дәуірінің жерлеу орны зерттелді деген қорытынды жасауға негіз болды. Жүргізілген талдаулардың көмегімен жерлеу орны әйел адамға арналғандығын анықтау мүмкін болды және бұл жаратылыстану-ғылыми әдістері мен нақты археологиялық тәпсірлеу арасындағы сәйкестікті есептеуге мүмкіндік берді. Жерлеу орнынан сырға, айна сынықтары және ұршықтың басы табылды. Нақты мерзімді беретін сырға, оның безендірілу тәсілі жерлеу құрылысының VIII ғасырдың екінші жартысы – IX ғасырмен мерзімделетінін анықтады. Ерте ортағасырлардағы әйелдер қауымына деген сый-құрметтің болғандығына жерлеу дәстүрі және ақыреттік бұйымдар маңызды дерек болып табылады. Іргелес аймақтардан табылған археологиялық дереккөздерге сәйкес, ер және әйел адамдардың жерлеу ескерткіштеріндегі ақыреттік бұйымдар белгілі бір сәйкестікпен сипатталады.

Кілт сөздер: Сарыарқа, Солтүстік Қазақстан, байырғы түріктер, Ортағасыр дәуірі, гендер, жерлеу дәстүрі, шаруашылық, ұршық, тоқымашылық.

B.M. Khasenova^a

*^aBranch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Republic of Kazakhstan
(E-mail: alicar@inbox.ru)*

***S.K. Sakenov^b**

*^bBranch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Republic of Kazakhstan
(E-mail: sergazi_82@mail.ru)*

** Corresponding author: sergazi_82@mail.ru*

A.A. Nuskabay^c

*^cL.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
(E-mail: abdinur82@mail.ru)*

Female burial of the Turkic period from the barrow of Shagalaly V

Abstract. At present, the source database expansion on medieval archaeology of the Kazakh steppe is among the priorities in science. Certain success was achieved in the study of sites of such medieval states of the ancient Turkic Khaganates as Kimak, Oghuz, Ulug Ulus, and Kazakh Khaganate on the territory of Kazakhstan.

At the same time, the lack of a comprehensive study of this era led to its occasional research. The purpose of the article is to introduce early Middle Ages burial materials from the northern region of Kazakhstan into scientific circulation. Turkic mound is located in the Kenotkel-Shagalaly archaeological microdistrict.

The central burial belongs to the era of the early Iron Age, later the fence was added in the early Middle Ages. Such peculiarities of the funeral rite as the eastern orientation, and the accompanying horse burial indicate that burial belongs to the Turkic time.

Burial research and items as an earring, a fragment of a mirror and a spindle whorl found in the burial site suggest that it was a grave of a woman. The dating object is an earring and the time of the construction of this funerary structure was determined. That is the second half of the VIII-IX century.

Keywords: Saryarka, Northern Kazakhstan, ancient Turks, the Middle Ages, gender, funeral rite, economy, spindle whorl, weaving.

Сведения об авторах:

Хасенова Бакыт Мулдашевна, PhD, Филиал института археологии имени А.Х. Маргулана, улица Бейбітшілік, 25, Астана, Республика Казахстан.

ORCID – 0000-0003-3756-8655

Scopus ID – 57201194584

Сакенов Сергазы Кайырбекович, PhD, Филиал института археологии имени А.Х. Маргулана, улица Бейбітшілік, 25, Астана, Республика Казахстан.

ORCID – 0000-0001-8868-4280

Scopus ID – 57200639306

Нұсқабай Абдинұр Арғынбаевич, докторант, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, улица К.Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан.

ORCID – 0000-0002-1299-0852

Авторлар туралы мәлімет:

Хасенова Бақыт Молдашқызы, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының филиалы, Бейбітшілік көшесі, 25, Астана, Қазақстан Республикасы.

ORCID – 0000-0003-3756-8655

Scopus ID – 57201194584

Сакенов Серғазы Қайырбекұлы, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының филиалы, Бейбітшілік көшесі, 25, Астана, Қазақстан Республикасы.

ORCID – 0000-0001-8868-4280

Scopus ID – 57200639306

Нұсқабай Әбдинұр Арғынбайұлы, докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Қ. Сәтбаев көшесі, 2, Астана, Қазақстан Республикасы.

ORCID – 0000-0002-1299-0852

Information about authors:

Khasenova Bakyt Muldashevna, PhD, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 25 Beibitshilik street, Astana, Republic of Kazakhstan.

ORCID – 0000-0003-3756-8655

Scopus ID – 57201194584

Sakenov Sergazy Kayyrbekovich, PhD, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 25 Beibitshilik street, Astana, Republic of Kazakhstan.

ORCID – 0000-0001-8868-4280

Scopus ID – 57200639306

Nuskabay Abdinur Argyynbaevich, Doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 K. Satpayev street, Astana, Republic of Kazakhstan.

ORCID – 0000-0002-1299-0852